

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138>

ДВА «ВЕЧНЫХ» РУССКИХ ВОПРОСА КАК МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ РУНЕТА

**Вероника Игоревна
Абрамова**¹

**Юлия Владимировна
Архангельская**²

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ istinijobraz@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

² archangelju@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Аннотация. Целью статьи является исследование двух крылатых фраз *кто виноват?* и *что делать?* как маркеров русской национальной идентичности и анализ их функционирования в сетевом фольклоре. Данные устойчивые фразы обычно сопровождаются словосочетаниями «русские вопросы» / «российские вопросы», которые поддерживают статус их использования в указанном значении. Прослеживается традиционализм (стабильность и преемственность во времени) в осмыслении и употреблении на протяжении полутора веков в русской речи обозначенных крылатизмов. Они отражают такие ментальные особенности русского национального характера, как созерцательность мышления, склонность к обсуждению философских вопросов, при этом инертность, пассивность и неготовность к конкретным практическим действиям, фатализм, устойчивые представления о том, что изменения жизни в лучшую сторону – дело высшей власти (царя, президента, государства), а не конкретного человека. Об этом свидетельствуют в том числе определения к существительному «вопросы», употребляемые в различных контекстах: «вечные», «извечные», «традиционные», «классические», «риторические», «проклятые». Все эти смыслы сохраняются при употреблении исследуемых крылатизмов в фольклоре Рунета. Анализируемые единицы функционируют преимущественно в таком жанре, как сетевой анекдот. При этом используются следующие модели построения анекдотов, содержащих вопросы *кто виноват?* и *что делать?*: 1) добавление ещё одного или двух вопросов; 2) добавление ответов; 3) соединение двух вопросов в один новый. Кроме того, при употреблении в анекдотах указанные крылатые единицы нередко подвергаются различным преобразованиям. Помимо анекдотов «вечные» русские вопросы могут использоваться и в других жанрах сетевого фольклора: в стихах-порошках, интернет-презентемах, в том числе в мемах.

Ключевые слова: «вечные» русские вопросы, *кто виноват?* и *что делать?*, маркер, национальная идентичность.

Для цитирования: Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Два «вечных» русских вопроса как маркеры национальной идентичности и их функционирование в фольклоре Рунета // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 129–138. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138>

Сведения об авторах: В. И. Абрамова – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Ю. В. Архангельская – доцент, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

© Абрамова В. И., Архангельская Ю. В., 2024

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138>

TWO ETERNAL RUSSIAN QUESTIONS AS MARKERS OF NATIONAL IDENTITY AND THEIR FUNCTIONING IN THE RUSSIAN INTERNET FOLKLORE

*Veronika I. Abramova*¹

*Yuliya V. Arkhangelskaya*²

^{1,2}Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia

¹ istinijobraz@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

² archangelju@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Abstract. The purpose of the article is to study two proverbial phrase: *kto vinovat?* (Who is to blame?) and *chto delat?* (What is to be done?) as markers of the Russian national identity and analysis of their functioning in online folklore. These set expressions are usually accompanied by the phrase 'Russian issues', which support the status of their use in the indicated meaning. The authors point out the traditionalism (stability and continuity in time) in the comprehension and use of the designated winged expressions in Russian speech for a century and a half. They reflect such mental features of the Russian national character as contemplative thinking, inclination to discuss philosophical issues. At the same time, Russian people are characterized by inertia, passivity and unwillingness to take concrete practical actions, fatalism, stable ideas that it is up to the supreme authority (tsar, president, state) to change life for the better, and not to a particular person. Therefore, among the definitions for the noun 'issue' used in various contexts are the following: 'eternal', 'traditional', 'classical', 'rhetorical', 'accursed'. The studied winged expressions have the above-mentioned meanings in Russian internet folklore as well. The analyzed units function primarily in the genre of online jokes. The authors distinguish the following models of online jokes construction containing the questions *kto vinovat?* (Who is to blame?) and *chto delat?* (What is to be done?): 1) adding one or two more questions; 2) adding answers; 3) combining two questions into one new. Moreover, when used in jokes, these winged units are often subject to various transformations. The authors give examples of the use of eternal Russian questions not only in jokes, but also in other genres of online folklore: internet poems and memes.

Keywords: eternal Russian questions, *kto vinovat?* (Who is to blame?) and *chto delat?* (What is to be done?), marker, national identity.

For citation: Abramova, VI & Arkhangelskaya, YuV 2024, 'Two Eternal Russian Questions as Markers of National Identity and Their Functioning in the Russian Internet Folklore', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 129–138, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-129-138> (in Russ.)

Information about the Authors: *Veronika I. Abramova* – Associate Professor, PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;

Yuliya V. Arkhangelskaya – Associate Professor, PhD in Philological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Document Science and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Abramova V. I., Arkhangelskaya Yu. V., 2024

Исследователями неоднократно отмечалась актуальность проблемы взаимосвязи языка и нации [3; 6]. Язык рассматривается как культурный код нации, отражающий и формирующий ее картину мира. Ученые пишут о «сложном диалектическом взаимодействии», в котором находятся языки и нации [6, с. 103], отмечая, что «национальный язык формируется вместе с образованием нации, являясь одновременно предпосылкой и условием ее возникновения и существования, с одной стороны, и результатом, продуктом этого процесса – с другой» [7, с. 325]. Из всего вышесказанного следует, что язык является основой национальной идентичности.

Национальная идентичность может рассматриваться с разных позиций в рамках различных наук: филологии, философии, социологии, этнологии, культурологии, географии, антропологии, социологии. Она складывается под влиянием исторических, территориальных, культурных, этнических, религиозных, языковых факторов, в результате чего формируется модель коллективного самосознания.

Устойчивые словесные комплексы (поговорки, пословицы, фразеологизмы, крылатизмы и т. п.) могут быть рассмотрены как маркеры национальной идентичности народа, так как в них отражены ментальные установки, типичные модели поведения, характерные для каждого народа аксиологические векторы, культурные императивы. Для русских, согласно многочисленным исследованиям [12; 5; 9], характерны следующие национальные черты, проявляющиеся в языке: соборность, душевность социальных отношений, созерцательность мышления, историческая терпеливость, бытовая импульсивность, неосмотрительность, нелюбовь к среднему, закононебрежение, ответственность перед внешним контролем, потребность в идеалах, стремление к справедливости, второстепенность материального, национальная самокритичность, пассивность в приобретении знаний, надежда на централизованное решение всех проблем, вера в возможность быстрого и простого решения сложных проблем [8, с. 100–123].

Некоторые из обозначенных черт поддерживаются крылатыми фразами, представляющими собой вопросительные реплики *кто виноват?* и *что делать?*. Часто в публицистических и иных текстах их называют «вечными» или «извечными» русскими вопросами. Они могут использоваться как самостоятельные устойчивые фразы или употребляться в одном контексте. При этом последовательность вопросов может быть разной, хотя чаще, вопреки хронологии возникновения, на первом месте стоит вопрос *что делать?*.

Целью настоящей работы является исследование на материале фольклора Рунета двух «вечных» русских вопросов *кто виноват?* и *что делать?* как маркеров национальной идентичности.

Рассмотрим этимологию обозначенных крылатизмов. Вопрос *Кто виноват?* был использован писателем А. И. Герценом в качестве заглавия для своего романа, опубликованного в 1845–1846 гг. в журнале «Отечественные записки». В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. Серова значение и употребление данного вопроса, ставшего крылатизмом, прокомментировано так: «Упоминается обычно как второй “извечный русский вопрос”, после вопроса *что делать?* и, как правило, иронически – мол, этим вопросом можно задаваться сколь угодно долго, если нет конкретных дел» [10, с. 291]. Вопрос, использующийся в заглавии, может быть, потому и стал устойчивым, что в нем отразилась насущная проблема эпохи «лишних людей»: кто виноват в том, что образованные, умные, просвещенные дворяне не могут найти своего места в жизни российского общества последекабристской поры и реализовать свой потенциал? Один из главных героев романа, взглядыываясь в свой юношеский портрет, вспоминая, как много он подавал надежд, с горечью думает: «Тогда <...> мне было четырнадцать лет, теперь мне за тридцать – и что впереди? Одна серая мгла, скучное, однообразное продолжение впредь; начать новую жизнь

поздно, продолжать старую невозможно. Сколько начинаний, сколько встреч... и всё окончилось праздностью и одиночеством...» [4].

Вопрос *что делать?* также стал крылатым благодаря литературному произведению. Так назывался роман Н. Г. Чернышевского, опубликованный в 1863 г. в журнале «Современник», после чего он был запрещен царской цензурой и не издавался вплоть до 1906 г. В книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова» дается следующий комментарий к происхождению данного крылатизма: «В романе трактуются проблемы социализма, эмансипации женщин, выводятся типы “новых людей” – революционных деятелей, и выражается мечта о счастливой жизни в коммунистическом обществе. Что делать, чтобы революционным путем прийти к социализму? Ответ на этот вопрос молодое поколение искало в романе Чернышевского» [1, с. 381].

Вопрос *что делать?* впоследствии использовался и в других известных произведениях, таких как трактат Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?» и работа В. И. Ленина «Что делать?». Есть основания полагать, что текстом, повлиявшим на формулировку заглавия, для Толстого послужило Евангелие от Луки, цитата из которого вошла в эпитаф: «И спрашивал его народ, *что же нам делать?* И он сказал в ответ: у кого есть две одежды, тот отдай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Луки III, 10, 11) [цит. по: 11, с. 182]. Для В. И. Ленина «отправной точкой», безусловно, послужил роман Н. Г. Чернышевского. Известно ленинское высказывание: «Роман “Что делать?” меня всего глубоко перепахал. Это вещь, которая даёт заряд на всю жизнь» [цит. по: 10, с. 424]. Хотя невозможно однозначно определить источник, благодаря которому вопрос *что делать?* обрел устойчивость и воспроизводимость, ясно, что вопрос этот использовался в культурно значимых и прецедентных для русского народа текстах и отражал особенности национальной ментальности. По свидетельству В. Т. Бондаренко, реплика-стимул *что делать?* в русской разговорной речи «употребляется в ситуациях, когда говорящий спрашивает совета, каким образом ему поступать, действовать в сложившихся обстоятельствах» [2, с. 291]. Ученый фиксирует следующие ответные реплики на данный вопрос-стимул: «♦ Выпить яду. ♦ Заголить подол и (да) бегать. *Сниж.* ♦ Коту яйца приделать и за мерина продать. *Вульг.* ♦ Оперу писать. ♦ Сухари сушить. ♦ Снять (задрать) штаны и (да) бегать» [2, с. 292].

Несмотря на то, что времена «лишних» и «новых» людей прошли, вопросы *кто виноват?* и *что делать?* остались актуальными для русского человека, о чем свидетельствует их популярность и востребованность в текстах различных стилей и жанров на протяжении более полутора веков, в том числе и в фольклорных текстах. Например: *После выяснения вопроса «Кто виноват?» вопрос «Что делать?» отпадает сам собой.* Причем в большинстве источников, в которых используются анализируемые устойчивые фразы, есть слова, свидетельствующие о том, что данные вопросы являются маркерами национальной идентичности. Прежде всего, это прилагательное «русский» (чаще в форме множественного числа – «русские»), выступающее в качестве определения к слову «вопрос» («вопросы»): *Да, подумал я, извечный русский вопрос, «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ: Битва за Подмоскowie (2001) // Молния. 2001. 10 июля]; *...тогда отпадут исконно русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ : Форум: Заказчик, дизайнер и строители. Кто прав? (2010–2011)]. Как видим, в первом примере два вечных русских вопроса могут даже восприниматься и транслироваться говорящим как один, настолько часто они употребляются в речи совместно.

Кроме того, в некоторых текстах вместо «русский» используется прилагательное «российский», а также существительное «Россия». Подразумевается, что анализируемые устойчивые фразы актуальны для всех, кто говорит на русском языке, в

первую очередь, для граждан России – многонационального государства. Например: *В такой ситуации скрупулезное выяснение любезных **российскому** менталитету вопросов «кто виноват?» и «что делать?» представляется психологической игрой в словесные бирюльки* [НКРЯ: Андреев И. Л. Россия: взгляд из будущего (2003) // Вестник РАН. 2004]; *В **России** всё может быть и ужасно, но ты знаешь, кто виноват и что делать, хотя сделать ничего не можешь* [НКРЯ: Зиник Зиновий. Белый негр и черная кола // Волга. 2014].

С нашей точки зрения, маркеры национальной идентичности – это не только те лексемы, которые указывают на принадлежность к определенному народу, но и те, которые отражают его ментальные установки. Если рассматривать вопрос с этой позиции, то определения «вечные» («извечные»), «традиционные», «классические», «риторические», «проклятые» к существительному «вопросы» также свидетельствуют о том, что они маркируют национальные черты: склонность к ничегонеделанию; надежду на то, что проблемы решатся сами собой, помимо воли говорящего; фаталистическое отношение к миру. Например: *И он всей душой хотел помочь этому птенцу, чтобы тот раскрыл свои крылья, мощь которых Солженицын угадал сразу. Чтобы свободному полету мысли ничто не мешало. Чтобы мысль могла взлететь высоко, откуда видны ответы на **извечные** российские вопросы – «кто виноват?» и «что делать?»* [НКРЯ: Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]; *Это очень разные люди, не согласные друг с другом почти во всем и прежде всего в своих ответах на **традиционные** русские вопросы: кто виноват и что делать* [НКРЯ: Пионтковский Андрей. Еще один год великого перелома // Новая газета. 2003. 16 янв.]; *Второй и третий соответствуют **классическим** русским вопросам: «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ: Папарацци в законе // Профессional. 1998. 1 июля]; *И в итоге мы получаем ответ на **риторические** вопросы: кто виноват и что делать* [НКРЯ: Мамонтов Аркадий. Иногда приходится нарушать закон // Известия. 2002. 6 сент.]; *Беринг до своей смерти в 1945 году оставался горячим другом России и на **проклятые** вопросы, пришедшие в наш век из прошлого века, «кто виноват?» и «что делать?», всегда отвечал: «никто не виноват» и «ничего делать»* [НКРЯ: Берберова Н. Н. Железная женщина (1978–1980)].

В фольклорных текстах цифровой эпохи, которыми наполнен Рунет, вопросы т. п. также выполняют роль маркеров национальной идентичности. В частности, это можно наблюдать в таких жанрах сетевого фольклора, как анекдоты, мемы, мотиваторы, демотиваторы, эдвайсы, стишки-порошки и т. п. Основным отличием сетевого фольклора от традиционного является письменная форма бытования и нередко установленное авторство, что, однако, не мешает ему распространяться и функционировать по модели, выработанной в устном народном творчестве. Так, стишки-порошки, подписанные никнеймами, часто «теряют» своих авторов и транслируются как анонимные. Например:

*кто виноват и что мне делать
вопросы вечны на руси
от них все время даже гугыл
висит*

Самым популярным жанром сетевого фольклора, в котором фигурируют исследуемые вопросы, является анекдот. Следует отметить, однако, что в сборники сетевых анекдотов нередко попадают афоризмы или афористические высказывания, например: *Что делать и кто виноват – это не вопросы. Это склероз.*

Наиболее часто встречаются следующие модели построения сетевых анекдотов и афоризмов / афористических высказываний, содержащих вопросы *кто виноват?* и *что делать?:* 1) предлагается продолжить ряд вечных вопросов еще одним

или даже двумя; 2) предлагаются ответы на эти вопросы; 3) два вечных вопроса заменяются третьим, содержащим в себе квинтэссенцию национальной идентичности.

1) Приведем примеры, соответствующие первой модели: *Преподаватель*: «У нас испокон веков всегда было три вопроса. Первый: Кто виноват? Второй: Что делать? А кто знает третий вопрос?» *Студент с первой парты*: «Ты меня уважаешь?» (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Вечные вопросы: кто виноват? что делать? Когда там уже выходные?* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>); *Три главных вопроса бытия: «Кто виноват?», «Что делать?» и «Где мой телефон!»* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>). *Три вечных русских вопроса: «Кто виноват?», «Что делать?», «Едят ли курицу руками?»* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>); *Считается, что существуют два вечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».* Я бы добавил ещё как минимум два: «Сколько это еще может продолжаться?» и «Как ты после вчерашнего?». Подобное можем наблюдать и в нефольклорных текстах: *И здесь в самую пору задаться тремя извечными российскими вопросами: «Что происходит?», «Кто виноват?» и «Что делать?»* [НКРЯ: Свешников Александр. Победителя не судят, но отдают ему должное // Богатей (Саратов). 2003. 23 окт.].

Дополнительные вопросы могут быть социально маркированными – приписываться интеллигенции: *Есть три вечных вопроса русской интеллигенции: 1. Что делать? 2. Кто виноват? 3. Какие выплаты мне полагаются?* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>); *Первый вечный вопрос русской интеллигенции: кто виноват? Второй вечный вопрос русской интеллигенции: что делать? Третий вечный вопрос русской интеллигенции: какой вилок есть рыбу?*

Можно отметить также гендерную маркированность: мужчины и женщины в сетевых анекдотах по-разному продолжают ряд вечных вопросов: *Сначала мужчина решает вопросы – «С кем?» и «Где?» и только уж потом – «Кто виноват?» и «Что делать?»* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>); *Вечные русские вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?» и «По сколько скидываемся, мужики?»;* *К чередке извечных вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?» женщины добавили – «Как я выгляжу?»* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Женщина – это чудо-создание, которое всегда знает «кто виноват» и «что делать», но никогда не знает, «в чем я завтра пойду на работу» и «что мы будем сегодня есть»* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>).

Продолжение ряда вопросов может приписываться и другим категориям граждан, например, владельцам собак: *Главные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?».* *Главные вопросы владельца собаки: «Что ты жрёшь?» и «Где ты это взял?»* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>).

2) Вторая модель представлена в сетевом фольклоре анекдотами, содержащими ответы на вечные русские вопросы: *С помощью буддизма нашел ответы на главные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»: 1. Никто. 2. Ничего.* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>); *Сколковские ученые нашли, наконец, ответ на извечный российский вопрос «Кто виноват? Что делать?».* Он звучит так: «Никто не виноват. А коли так, то и делать нечего!» (<https://smehodel.ru/jokes/t/vinovatyh>); *В России два вечных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».* И один вечный ответ: «А хрен его знает!» (anekdotov.me).

Ответы могут быть гендерно маркированными: *После того, как у женщины появляется муж, она, наконец, понимает, кто во всем виноват в этой жизни...* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Наличие мужа в жизни женщины позволяет всегда получить ответы на вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>).

Как и в первой группе, среди ищущих ответы на вечные вопросы оказываются владельцы домашних животных: *У меня живут два кота, чёрный кот – Чернышевский, белый кот – Белинский. И я всегда знаю, «что делать» и «кто виноват»...* (<https://smehodel.ru/jokes/t/vinovatyh>).

Нередко извечные русские вопросы соотносятся в сетевом фольклоре с двумя классическими русскими проблемами, которые в анекдотах и в построенных по образцу афоризмов высказываниях превращаются в ответы на эти вопросы: *В России всегда были две проблемы: дураки и плохие дороги. И всегда стояло два вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».* *И лишь в XXI веке стало понятно: Кто виноват – дураки. Что делать – дороги.* (https://anecdotes.su/v-rossii-vsegda-byli-dve-problemy_79056); *В России есть два извечных вопроса «Кто виноват?» и «Что делать?»*, и две беды, они же ответы на вопросы: *«Дураки и дороги».* *Только вместо того, чтобы винить дураков и чинить дороги, россияне с завидным упорством, из века в век, продолжают во всем винить дороги, и плодить дураков.* В этих анекдотах отражаются такие типичные черты русского человека, как созерцательность мышления, пассивность и инертность. А. В. Сергеева пишет об этих особенностях русских людей так: *«Они долго, сложно и глубоко думают над серьезными вопросами бытия. Но это совсем не значит, что долгие раздумья приведут их к определенным решениям или решительным переменам в жизни. Способность мобилизовать себя для конкретной деятельности у них не развита»* [9, с. 139]. Эту мысль подтверждает еще один сетевой анекдот: *Мало кто знает, что знаменитого «Мыслителя» Роден ваял с русского: голожопый мужик, мучительно размышляющий над вопросами «Что делать?» и «Кто виноват?»* (<https://vse-shutochki.ru/shutka/54160>).

3) К третьей модели мы отнесли анекдоты и построенные по образцу афоризмов высказывания, в которых два вечных вопроса заменяются третьим, содержащим в себе, по замыслу говорящего, квинтэссенцию национальной идентичности, например: *Я тут свёл два русских классических вопроса «Кто виноват?» и «Что делать?» в один универсальный «Какого хрена?»;* *Вечные вопросы российской действительности: «Кто виноват?» и «Что делать?».* *Но самый главный – «Как жить дальше?».* Ср. в нефольклорном тексте: *Вместо традиционного вопроса: «Кто виноват и что делать?» – рождается еще один, истинно российский вопрос: «Куда идем?».* *Какова, наконец, будет долгосрочная экономическая и политическая концепция нашего правительства?* [НКРЯ: Аграновский Валерий. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976 – 1999)].

Анекдоты и афоризмы, построенные по подобной модели, могут быть социально маркированными, например: *Вечный вопрос русского интеллигента не «Кто виноват?» или «Что делать?»*, а *«Кто будет платить?»;* *Раньше интеллигенты задавали два вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?»*, а *теперь только один «Какой счёт?».* Ситуацию, представленную в последнем сетевом афоризме, комментирует в своей статье А. Колесников: *Российское общество проделало эволюцию от проклятых русских вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?» к вопросу «Какой счет?».* *Население, включая интеллигенцию (или заменившую ее «интеллектуальную элиту»), настолько устало от политики, что с величайшим удовольствием смотрит по телевизору бесконечный футбол, хоккей, бокс и т. п. Наиболее же финансово продвинутая часть российских граждан, отвлекшись от лизинга с франчайзингом, все больше времени уделяет досугу – дайвингу с каким-нибудь рафтингом* [Андрей Колесников. Какой счет? (2002) // «Известия», 04.02.2002, НКРЯ].

При употреблении в сетевых анекдотах и афоризмах крылатые единицы *кто виноват?* и *что делать?* нередко подвергаются различным преобразованиям. Например, один из вопросов может подвергаться расширению компонентного со-

става: *Россиян мучают только два вопроса: кто виноват и что с ним делать?* (<https://vse-shutochki.ru/shotka/54160>). То же в сочетании с трансформацией собственно вопросов в косвенные вопросы: *Если найти того, кто виноват, и отдать недовольным россиянам, то вопроса, что с ним делать, не возникнет* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Я знаю, кто виноват, но я не знаю, что делать с трупом...* (<https://vse-shutochki.ru/anekdot/14004>); *Скажи мне, кто виноват, и я скажу, что они с тобой сделают!* В последнем примере добавляется еще и грамматическое варьирование вида глагола (делать – сделать).

Нередки случаи, когда трансформация происходит по линии утверждения – отрицания: *На самом деле самые вечные русские вопросы – это: «Что не делать?», «Кто не виноват?» и «Где не капают на мозги?»* (HumorNet.ru). Трансформация при этом может осложняться лексической субституцией на основе антонимии: *Хватит уже решать, кто виноват и что делать, лучше поймите, кто прав и чего не надо делать*.

Вызывает интерес сетевой анекдот, пародирующий исследование изменений двух «вечных» русских вопросов в диахронии: *Как трансформировались извечные вопросы русской интеллигенции: 1) Конец XIX века: «Что делать?». Начало XX века: «Надо что-то делать...». 30–50-е гг.: «Что делается!..». 70–80-е гг.: «Что подделаешь?». 90-е гг.: «Шо за дела?!». Начало XXI века: «Тебе что, делать больше нечего?». 2) Конец XIX века: «Кто виноват?». Начало XX века: «Виноваты они...». 30–50-е гг.: «Виновен!..». 70–80-е гг.: «Не виноватая я, он сам пришел!». 90-е гг.: «Во всем виноват Чубайс!». Начало XXI века: «Главное – найти виноватого».* В приведенном анекдоте отразились такая отмеченная Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным черта русского национального сознания, как надежда на централизованное решение всех проблем: «Русский человек возлагает ответственность за свою собственную судьбу, судьбу общества, страны, преимущественно на внешние силы – прежде всего на царя, президента, непосредственного начальника или абстрактное руководство (“Они”). Для русского менталитета характерно яркое представление о внешней, вышестоящей силе, которая призвана и способна решать все проблемы общества и отдельной личности. Отсюда формируется внутренняя безответственность человека, который свое участие в жизни часто низводит до “сигнализирования”, сообщения вышестоящему о своей проблеме и ожидания ее решения» [8, с. 120]. В связи с этим особого внимания заслуживает группа интернет-презентем, в которых их создатели иронизируют над желанием обвинить во всех проблемах власть, а именно – президента России В. В. Путина. Ответ на вопрос *Кто виноват?* оформляется в виде какого-либо карикатурного изображения и подписи, из которой следует, что Путина обвиняют во всех бедах россиян и даже всего человечества: *«В Калифорнии в отделениях интенсивной терапии не осталось свободных коек, – пишет CTV NEWS. – Закончились места даже в моргах». В Америке в этом виноват вирус. А если бы что-то подобное было в России, то виноват был бы Путин. Впрочем, в Америке тоже в этом виноват Путин; Если жизнь не удалась – обвиню во всем я власть! Если я по жизни трутень – виноват, конечно, Путин!; За окошком дождь и град. Это Путин виноват.* Последнее двустихие представляет собой фрагмент довольно обширного сетевого фольклорного стихотворного текста, иронически обыгрывающего антипутинскую мифологию. Часть подобных креолизованных текстов представляет собой фотографию президента России В. В. Путина и подпись, которая имитирует его реплику в ответ на многочисленные необоснованные обвинения: *Ты уже придумал, в чем я виноват?; Дайте-ка я угадаю, кто виноват?; Опять я во всем виноват?; Ну, давай, расскажи мне, что во всем виноват я.*

Итак, проведенное исследование показало, что на протяжении последних по-

лутора веков крылатые фразы *кто виноват?* и *что делать?* используются как маркеры русской национальной идентичности. Их употребление в сетевом фольклоре свидетельствуют о том, что они весьма актуальны, востребованы, отражают особенности русского национального характера, соответствуют современным реалиям, функционируют в речи и как риторические вопросы, и как вопросы, подразумевающие ответы, всегда ироничны и часто парадоксальны.

Список источников и литературы

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М.: Худож. лит., 1987. 528 с.
2. Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.
3. Бушуй Т. А. Проблема языка и нации в лингвокультурологическом аспекте // International scientific review. 2019. № 56. С. 48–50.
4. Герцен А. И. Кто виноват? М.: Гослитиздат, 1948. 256 с. Электрон. копия печ. изд. URL: https://librebook.me/kto_vinovat_1/vol4/4 (дата обращения: 26.01.2024). Доступ на сайте LibreBook.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Яз. слав. культуры, 2005. С. 64–174.
6. Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 102–105.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
8. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта : Наука, 2011. 328 с.
9. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта : Наука, 2010. 320 с.
10. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. (Юбилейное). Т. 25. М.: Худож. лит., 1937. 914 с.
12. Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14–21.

References

1. Ashukin, NS & Ashukina, MG 1987, *Krylatyye slova: Literaturnyye tsitaty; Obraznyye vyrazheniya* (Winged words: Literary quotes; Figurative expressions), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bondarenko, VT 2013, *Otvetye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: Slovar* (Responses in Russian dialogue speech. Dictionary), Izd-vo Tul.gos.ped.un-ta im. L. N. Tolstogo publ, Tula. (In Russ.)
3. Bushuy, TA 2019, 'Problema yazyka i natsii v lingvokulturologicheskom aspekte' (The issue of language and nation in linguoculturological aspect), *International scientific review*, no. 56, pp. 48–50. (In Russ.)
4. Gertsen, AI 2007, *Kto vinovat?* (Who Is to Blame?), Goslitizdat publ, Moscow, viewed 26 January 2024, https://librebook.me/kto_vinovat_1/vol4/4 (In Russ.)
5. Zaliznyak, AA, Levontina, IB & Shmelev, AD 2005, *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* (Key ideas of the Russian linguistic picture of the world), Yaz. slav. kultury publ, Moscow, pp. 64–174. (In Russ.)
6. Kuznetsova, YeV 2011, 'Yazyk i natsionalnaya identichnost' (Language and national identity), *Omsk Scientific Bulletin*, no. 3 (98), pp. 102–105. (In Russ.)
7. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* 1990 (Linguistic encyclopedic dictionary), Sov. entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)

8. Prokhorov, YuYe & Sternin, IA 2011, *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* (Russians: communications behavior), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 9. Sergeeva, AV 2010, *Russkiye: stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost* (Russians: behavioral stereotypes, traditions, mentality), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 10. Serov, V 2005, *Entsiklopedicheskiy slovar krylatykh slov i vyrazheniy* (Encyclopedic dictionary of winged words and expressions.), Lokid-Press publ, Moscow. (In Russ.)
 11. Tolstoy, LN 1937, *Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t. (Yubileynoye)* (Complete works. In 90 volumes (Jubilee edition)), Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
 12. Shmelyov, AD 2009, 'Russkaya yazykovaya kartina mira: sistemnyye sdvigi' (Russian language picture of the world: system shift), *The World of Russian Word*, no. 4, pp. 14–21. (In Russ.)
-

Вклад авторов:

Абрамова В. И. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Архангельская Ю. В. – идея, сбор и обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Veronika I. Abramova – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Yuliya V. Arkhangelskaya – idea, collection and processing of material, writing an article, scientific text edition.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 04.02.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 13.09.2024